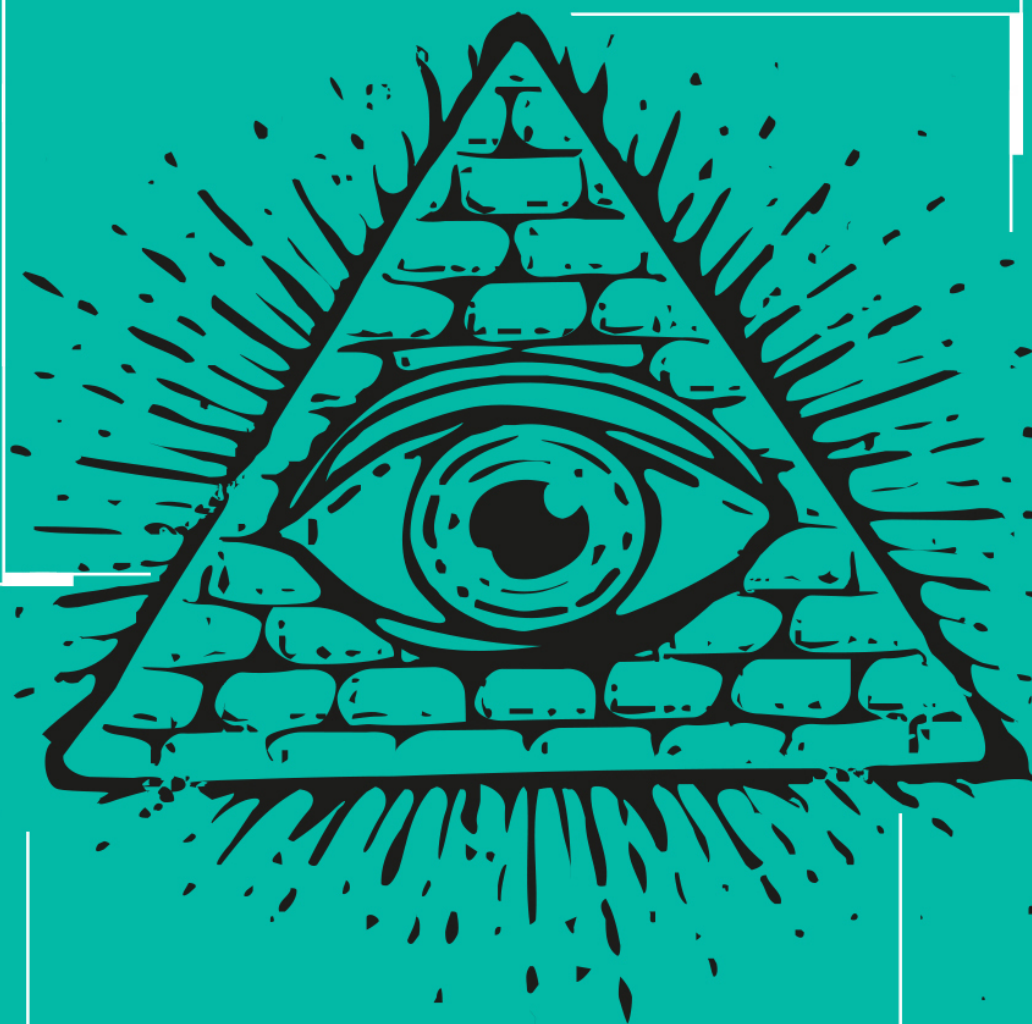

ПОВЕСТЬ

О БЛАГОНРАВНОМ

Юлия Латынина

Юлия Латынина

**Повесть о благонаправном
мятежнике**

«ЭКСМО»

1996

Латынина Ю. Л.

Повесть о благонаправном мятежнике / Ю. Л. Латынина —
«Эксмо», 1996

«...Сегодня, уважаемые слушатели, мы хотим рассказать вам о человеке, который, будучи поставлен судьбой в трудные условия, сумел, несмотря ни на что, из-за доброй своей природы остаться верным императору. Рассказ свой мы поведем с начальных годов правления императора Шень Цзуна...»

© Латынина Ю. Л., 1996

© Эксмо, 1996

Юлия Латынина

Повесть о благонравном мятежнике

Уважаемые слушатели! Известно, что рассказы бывают трех родов: одни поучают выгоде, другие – любви, а третьи – долгу. Первый род рассказов любят люди дурные, второй род рассказов любят люди обыкновенные, а третий род служит опорой и наставлением в жизни для хороших людей. Четвертого же вида рассказов не бывает или не должно быть.

Странная вещь ремесло рассказчика! В древности, когда Ху Ба играл на цитре, рыбы выпрыгивали из воды и, казалось, подпевали ему; а когда Юй Гун пел, шевелились скалы и деревянные балки.

Во времена Яо и Шуня для управления подданными использовали музыку и нормы поведения, а во времена Инь и Шан для управления подданными использовали наказания и награды. Используя музыку и словесность, конечно, нельзя утратить людей, но можно их воспитать, а используя наказания и награды, конечно, можно утратить людей, но воспитать их нельзя. Поэтому во времена Яо и Шуня людям жилось лучше, чем во времена Инь и Шан.

К чему я это говорю?

А к тому, что рассказчики, хоть и не изучают Лунь Юй и Ши Цзин и не сдают в столице экзаменов, а проводят свою жизнь на базаре среди лавок и лотков, должны учить людей праведности, и показывать в своих рассказах, как добрые получают награду еще в этой жизни, а порок всегда бывает наказан, и нередко достигают в том большого успеха, ибо примеры милей душе человека, нежели поучения.

Сегодня, уважаемые слушатели, мы хотим рассказать вам о человеке, который, будучи поставлен судьбой в трудные условия, сумел, несмотря ни на что, из-за доброй своей природы остаться верным императору. Рассказ свой мы поведем с начальных годов правления императора Шень Цзуна.

Тогда при дворе первым министром стал Ван Аньши, и ему естественно хотелось, чтобы на местах было побольше его сторонников. В провинцию Цзяннань, в уезд Тайченсянь был направлен многообещающий чиновник. Фамилия его была Чжу, а имя было двойное – Инсян.

Чжу Инсян спешно отправился в путь, желая опередить вести о своем приближении. И вот, когда чиновник в крытом паланкине приближался к месту назначения, надо же было такому случиться, что им навстречу на горной дороге попала еще одна процессия. Это влиятельный в тех местах богач Фань Гоуфу решил поднести подобающие дары близлежащему монастырю. самого старого Фаня несли в паланкине, а сын его, Фань Чжун, ехал верхом. Фань Чжун был юноша изящный и стройный, с лицом, белым и красивым, как четырнадцатидневная луна, с бровями, взлетающими кверху, словно крылья феникса. Он горячо любил отца, и был необуздан и дерзок. Он прекрасно владел мечом и двуострой пикой, любил охотиться и постоянно окружал себя разного рода бездельниками. И сейчас его сопровождало множество всякой челяди и прихлебателей, вооруженных мечами, плетками и железными цепями. Едва эти бездельники завидели паланкин чиновника, имевший не столь уж завидный вид, как в паланкин полетели комья грязи и раздались выкрики:

– Прочь с дороги!

– Да кто вы такие, чтобы мешать проезду моего господина, – возмутился слуга Чжу Инсяна, по имени Ван Янь, – это был человек из народа мяо.

– Ах ты мерзкая образина, – закричали ему, – он еще разевает рот!

Слово за слово, – поднялся шум. И прежде, чем старый Фань или Чжу Инсян успели вмешаться, по приказанию молодого господина слуги чиновника были избиты, паланкин сброшен на землю, и занавеска сорвана. Чжу Инсян выхватил меч, но, увидев невоспитанность и грубость этих деревенских парней, до зубов вооруженных, решил с ними не связываться.

Чжу Инсян и его слуги подобрали пожитки и поспешили к лесу, подбодряемые грубыми криками бездельников, а процессия богача тронулась дальше.

Чжу Инсян, человек воспитанный и тонкий, был оскорблен до глубины души. Притом, как уже сказано, назначен на свой пост он был по прямому указу Ван Аньши. Поэтому он считал, что все зло в стране происходит от многочисленности богачей, из-за чего получается, что владеет землей один, а обрабатывает ее другой. Он полагал, что это очень плохо, когда народ продает землю, чтобы прокормиться, и поступает в арендаторы богачам. Тогда урожай отбирают у тех, кто его производит, и отдают тем, кто владеет землей. К тому же население беднеет и от этого перестает уплачивать положенные государству налоги. Одни люди бросают земледелие и начинают заниматься торговлей, а другие закладываются за богачей с тем, чтобы те уберегли их от уплаты налогов. Словом, тогда происходит так, что богачи богатеют, а бедняки нищают. На одного земледельца приходится по четыре торговца, деньги начинают производить деньги, а люди начинают поедать людей. В такое время бедствия для государства следует ждать не извне, а изнутри. И вскоре после того, как на одного земледельца приходится четыре торговца, на четырех торговцев приходится десять повстанцев.

Чжу Инсян приехал в простом паланкине, безо всякого шума, специально, чтобы посмотреть, как богачи угнетают простой народ. И он был совершенно поражен тем, что увидел.

Между тем, когда Фань Гоуфу узнал о поступке сына, и о том, что в паланкине, с которого сорвали занавеску, сидел не кто иной, как новый начальник уезда, сердце его переполнилось горечью.

– Ты опозорил мое имя! – гневно сказал он сыну.

Через два дня Фань Гоуфу взял с собой подарки, приличествующие случаю, и поехал извиняться перед Чжу Инсяном. Однако небу было угодно, что в этот день Чжу Инсяна не было в управе, и Фань Гоуфу, оставив подарки, уехал, можно сказать, ни с чем. Когда Чжу Инсян вернулся и увидел подарки, он подумал: «Нет, этот человек не столь груб, как мне показалось. Видна даже утонченность во вкусе.» И он хотел нанести ответный визит, но подумал, что пусть лучше Фань Гоуфу приедет первым.

Меж тем случилось так, что старый Фань, возвращаясь домой, простудился и заболел, и почти месяц лежал в усадьбе, а домашние его развешивали ленты и воссылали молитвы о его здоровье. Старому Фаню не хотелось посылать своего сына в одиночку извиняться перед чиновником, потому что он знал, что у Фань Чжуна задорный нрав, – однако, делать нечего, пришлось.

Фань Чжун, по совету отца, на этот раз не стал одеваться с вызывающей роскошью, а взял с собой двух слуг и приехал к вечеру в город. На следующее утро Фань Чжун явился в управу. Он не знал порядков и расположений мест, и пришел в тот дворик, где ожидали обычные просители. Он был одет скромно, но с достоинством.

Этот день у Чжу Инсяна был отведен для приема просителей, но он всю ночь просидел над важными бумагами и встал довольно поздно. Голова у него болела, и когда он вышел во дворик и увидел, сколько во дворике просителей, настроение его совсем испортилось. Он понял, что, будучи старательным чиновником, не успеет отобедать вовремя. В этот миг забил в барабан у ворот управы, и Чжу Инсян повелел доставить обиженного к нему. Чжу Инсян повернулся, чтобы пройти, и тут-то Фань Чжун опустился перед ним на колени и произнес:

– Уважаемый...

И вдруг Чжу Инсян, к изумлению присутствующих, встряхнул рукавами и гневно закричал:

– Негодай! Сколько раз я говорил тебе, что просьба твоя удовлетворена быть не может, а ты все надоедаешь мне! Вывести его вон!

И тут же служители ямыня вытолкали растерявшегося Фань Чжуна за ворота.

А все дело было в том, что начальник Чжу Инсян принял Фань Чжуна, которого он толком никогда не видел, за одного человека похожего роста и облика, который вот уже три недели приставал к нему с совершенно вздорной просьбой. Фань Чжун был юноша сильный и ловкий, и когда он опомнился, небо показалось ему железом, а земля – камнем. «Ах ты негодяй, – подумал он, – так-то ты творишь справедливый суд, утираешь слезы вдов и сирот!».

Когда Чжу Инсян был извещен о своей промашке, он сначала смутился, а потому страшно разгневался. «Этот человек пришел ко мне без слуг и без доклада! Разве не ясно, что он сам хотел нарваться на грубость», – подумал он.

Отныне отношения между Чжу Инсяном и семейством Фаней были испорчены, так сказать, не успев и сложиться.

А теперь послушайте о человеке по имени Цуй Ань.

Фань Гоуфу был известный богач и добрый человек, и щедро раздавал людям в долг инвентарь и денежные ссуды. Процентом, он, можно сказать, не требовал, но очень не любил, когда люди не возвращали ему одолженное в срок. Он считал, что на таких людей нельзя положиться.

Один человек, по имени Цуй Ань, а по занятию торговец тканями, взял у Фань Гоуфу для одного дела тысячу лан серебра. Но дело вышло хуже, чем он ожидал, и ему не очень хотелось отдавать денег. У него просто болела печень и темнели глаза, когда он думал о том, что ему придется безвозвратно расстаться с этими деньгами.

И вот однажды, когда Цуй Ань сидел в своей лавке и перемеривал тюки с материей, в лавку вошел посетитель по имени Цзи Дан. Цзи Дан служил сыщиком в окружной управе. На самом деле фамилия этого молодого человека была не Цзи, а Цуй, и он был родным племянником торговцу Цуй Аню. Но его отец рано умер, и ребенка усыновил один человек по фамилии Цзи. Поэтому сейчас сыщика звали Цзи Дан.

Торговец поставил на стол вина, принес угощение, словом, сделал все, как полагается. Ведь нечасто так бывает, чтобы родственник торговца служил при управе. Вскоре племянник заметил, что Цуй Ань невесел, и спросил о причине.

– Видишь ли, – признался Цуй Ань, – Фань Гоуфу ссудил мне тысячу лан серебра, и как раз через десять дней я должен отдать, как говорится, «мать с дочкою». И хотя у меня есть эти деньги, они, по правде говоря, сильногодились бы мне самому. Но трудно не отдать долг и при этом остаться честным человеком.

– Дядюшка, – сказал Цзи Дан, – я, пожалуй, научу тебя, как не отдавать этот долг.

Цуй Ань очень заинтересовался его словами, и Цзи Дан рассказал следующее. Оказалось, что в это время в Цзяннани развелось множество колдунов. Особенно известны были люди из секты Байляньцзяо. Эти колдуны склоняли народ к недозволенному, лечили болезни, а при попытках ареста морочили голову сыщикам всяческими фокусами. Главари сект раздавали зерно нуждающимся и говорили, что после пришествия будды Майтрейи земля станет подобна золотому песку, и не будет ни бедных, ни богатых, а все люди в Поднебесной станут как братья. Своим приверженцам они обещали, что когда все люди в Поднебесной станут как братья, те получают большие чины и богатство. Слыша это, многие охотно верили им. В иных местах, бывало, что они вместо чиновников ремонтировали запруды и дороги и сами собирали налоги, но в Цзяннани до этого дело еще не дошло. В это время вышел еще один указ о запрещении деятельности колдунов, и Чжу Инсян как начальник уезда, прилагал немалые усилия, чтоб его выполнить. Ему удалось разузнать, что члены секты собираются в одном храме, который был конфискован у них двадцать лет назад, и заполучить несколько баоцзюаней, но он не знал ни главаря секты, ни его ближайших приспешников.

И вот Цзи Дан предложил своему родственнику следующее:

– Почему бы тебе не сходить через десять дней в усадьбу Фань Гоуфу и не попросить отсрочить уплату долга всего на пять дней? Старый Фань, конечно, согласится. А ты, прямо

из усадьбы, отправляясь в уездную управу и смело бей в барабан. Когда начальник Чжу Инсян выйдет, повалишься ему в ноги и скажешь следующее: «Фань Гоуфу поклоняется матушке Ушенлаому. Сегодня он обещал простить мне долг, если я вступлю в его секту». А в доказательство предъявишь бумагу, на которой записаны отрывки из баоцзюаней, которые будто бы дал тебе богач.

Лавочник испугался такого плана и спросил:

– Мыслимо ли, чтобы начальник уезда вот так, ни с того ни с сего поверил в такое дело? Говорят, он чиновник справедливый и честный, к тому же кто не снисходителен к богачам! А даже если он и поверит: старый Фань даст взятку, дело замнут, а наказан буду я.

– Глупости, – решительно сказал Цзи Дан, – в том-то и дело, что Чжу Инсян ненавидит этого богача, и не раз приговаривал: «Отчего это он так щедро дает в долг? Верно, за этим кроется мерзость!».

– Но откуда я возьму эти колдовские заклинания? – спросил лавочник.

– Не стоит беспокоиться, – возразил Цзи Дан, – я ведь как раз занимаюсь этим делом и спешу для тебя со свитков некоторые заклинания, вроде тех, которые позволяют оживить мертвое мясо или ловить рыбу без помощи крючков и сетей.

– А если меня будут пытать, – возразил Цуй Ань, – наверняка немало придется вынести!

– Ну, если тебе твоя шкура дороже тысячи лан, – возмутился сыщик, – тогда нечего и разговаривать. Конечно, придется немного потерпеть, однако я замолвлю словечко, чтобы тебя били несильно. Притом же раскрывшему это дело полагается награда, и я обещаю, что тебе перепадет не менее пятисот лан.

Словом, так они проговорили весь вечер, и в конце концов сыщик уломал Цуй Аня.

А все дело было в том, что Чжу Инсян, рассерженный медленным ходом расследования, уже не раз высказывал порицание сыщикам Цзи Дану и Ши Чжену, занимавшимся этим делом, и в конце концов установил для них предельный срок в десять дней.

В условленный день Цуй Ань, запасшись подарками, отправился в поместье Фань Гоуфу, наплел всякие небылицы о скором возвращении двоюродного брата и попросил отсрочить выплату долга всего на пять дней. Фань Гоуфу согласился. Цуй Ань переночевал в усадьбе. Утренние часы они провели в дружеской беседе, и Цуй Ань, в восторге от того, что все так хорошо удалось, поспешил в город. В рукаве его халата был спрятан небольшой свиток различными колдовскими заклинаниями.

Теперь надо сказать, что поместье Фаней отстояло от окружного города на сорок ли, и дойти пешком до уездной управы за один день было, конечно, нелегко, тем более что Цуй Ань вышел из поместья далеко после полудня. Племянник наставлял его, чтоб он непременно шел к самому начальнику, нигде не задерживаясь. Но Цуй Ань был полон самых мрачных мыслей относительно испытаний, ожидающих его в управе, непрестанно вздыхал и шел медленно. Нельзя сказать, чтоб земля так и горела под его ногами. Ведь управа – это такое место, в которое войти через восточные ворота гораздо легче, чем выйти через западные.

Словом, к вечеру он пришел в уездный городок Иньфу, расположенный на полдороге, и решил там заночевать. Он зашел в харчевню у городских ворот и попросил подать ему мяса и вина. Он пил одну чашку за другой, и готов был заплакать при мысли о мучениях, которые нынче должен вынести человек, решившийся не отдавать богачу свои деньги.

Когда ему принесли мясо, Цуй Ань уже основательно напился, и был в самом мрачном состоянии духа. Все в жизни доставляло ему огорчение. Он ткнул палочками в принесенное мясо и закричал:

– Как тебе не стыдно говорить, что это баранина! Это же собачатина!

Хозяин обиделся и возразил:

– Если б это была собачатина, я бы так и сказал, какая разница? Но это постная баранина.

Слово за слово – поднялся скандал. Тут Цуй Ань вспомнил, что у него в рукаве есть свиток с волшебными заклинаниями, и что среди этих заклинаний есть такое, которым можно оживить вареную тварь.

– А вот я сейчас посмотрю, баранина это или собачатина, – вскричал он, вытаскивая свиток из рукава.

Хозяину это показалось чрезвычайно подозрительным, и он вцепился торговцу в шею. Цуй Ань так и повалился со скамеечки, а хозяин вытащил у него из рукава бумагу и вскричал:

– Да это колдун!

На шею Цуй Аню накинута веревка и потащили его в ямынь. У ворот ямыня хозяин харчевни стал бить в барабан, и скоро вся компания предстала перед местным чиновником Вень Да.

Надо сказать, что сыщик Цзи Дан непосредственно подчинялся Вень Да, и был временно отдан последним начальнику уезда Чжу Инсяну для борьбы с колдунами. В этот день он находился в управе Вень Да, так как сердце его беспокоило за родственника. Можете себе представить, как он перепугался, увидев своего дядю посреди толпы и с веревкой на шее! Пропали все его надежды на награду, да еще было непонятно, не проговорится ли сам Цуй Ань!

Цуй Ань между тем протрезвел и понял, что за беду навлек на себя. Он стал твердо рассказывать, что все соседи, зная его жизнь, подтвердят, что ни на какие недозволенные сборища он не ходил, а бумагу с заклинаниями он получил только что от Фань Гоуфу, который обещал ему простить долг, если тот вступит в секту, и что он, Цуй Ань, не посмел отказаться от такого дела в усадьбе, но, едва взяв бумагу, поспешил в ямынь.

Вень Да выслушал этот рассказ и воскликнул:

– Тут дело нечисто! Почему же, если ты спешил в ямынь, ты оказался в харчевне?

– Ах, – отвечал со вздохом Цуй Ань, – я подумал: я иду на страшное дело, и обвиняю в преступлении такого могущественного человека, как старый Фань! Наверняка он сживет меня со света с помощью покровителей или колдовства. И я завернул выпить стаканчик вина перед мучениями.

В глубоком раздумье Вень Да приказал посадить торговца под крепкую стражу и удалился.

Итак, благодаря непредвиденной случайности, Цуй Ань оказался под стражей совсем в другой управе, у начальника Вень Да, который был честным человеком и старым другом семьи Фаней. Через три дня Вень Да лично рассказал Чжу Инсяну о случившемся. Дело показалось Чжу Инсяну ясным, и тот воскликнул:

– Этот торговец – отъявленный негодяй! Ясно, что мы никогда не увидели бы этой бумаги, если бы его не схватили! А теперь он отпирается и клеветает на Фань Гоуфу, зная о моей с ним вражде!

У Цзи Дана печень треснула от печали за дядю, когда он услышал об этих словах, и чувствуя себя причиной гибели родственника, он решил приложить все усилия, чтобы спасти его и получить награду.

Прошел месяц, Цуй Ань все еще сидел в колодках, а сыщика Цзи Дана трижды жестоко пороли за пропущенный срок. Наконец Цзи Дан доложил Чжу Инсяну:

– Есть в этом деле одна улика, и вот такая: Некто Цуй Ань, торговец тканями и один из должников Фань Гоуфу, утверждает, что старый Фань обещал просить ему долг, если Цуй Ань, человек, чего уж тут скрывать, уважаемый и влиятельный, станет членом их секты. Богач передал торговцу Цуй Аню свиток с наставлениями об их матушке Ушенлаому, и Цуй Ань тотчас же явился с этим свитком в ближайшую управу. Но чиновник Вень Да, мой непосредственный начальник, услышав этот рассказ, велел посадить его в колодки. Они с Фань Гоуфу наняли свидетелей, которые утверждают, что Цуй Ань будто бы был задержан по дороге в управу. Они вынули из несчастного человека, который виновен только в любви к справедливости,

восте, всю душу, и может быть, уже убили его. Главным свидетелем по этому делу является некий трактирщик Шен Хе, и, представьте, мне недавно удалось узнать, что старый Фань дал ему двести лан за такое дело.

Чжу Инсян был человек честный, и сообщение сыщика привело его в страшный гнев. Лицо у него пошло пятнами, и он вскричал:

– Завтра же доставить торговца тканями Цуй Аня ко мне!

На следующий день Цуй Ань и все свидетели, арестованные по этому делу, были доставлены в уездное управление.

Цуй Ань повторил свой рассказ, и на этот раз он утверждал, что пришел в управу к Вень Да и повинился во всем, но Вень Да приказал изобразить дело так, будто Цуй Аня захватили силой, и потом пытками вынудил отречься от своих слов.

Свидетели по делу, видя, что Чжу Инсян относится к показаниям благосклонно, стали ссылаться на незнание и говорить разное. Только младший сын хозяина харчевни, Шен Чжи, кричал, что все это вздор. Смущенный Чжу Инсян велел принести тиски и зажать в них руки тяжущихся. Но ведь Цуй Ань был матерый, много перенесший мужчина, а Шен Чжи был юноша изнеженный, привычный к теплу и холе. Где уж было ему выдержать пытки! Он заплакал и признался во всем, о чем его спрашивали.

Чжу Инсян, страшно рассерженный, велел Цзи Дану взять отряд стражников и немедленно отправиться в поместье старого Фаня, и тут же приказал взять под стражу Вень Да. Он оглянулся и вскричал:

– Но где же Вень Да?

Действительно, начальник куда-то исчез.

А дело было вот в чем. Вень Да, едва увидев, что дело принимает непредвиденный оборот, вышел во двор, вскочил на коня и помчался к усадьбе Фань Гоуфу так резво, словно у его коня было восемь ног вместо четырех.

Старый Фань вышел навстречу неожиданному гостю.

– Что привело вас ко мне в столь поздний час, – с удивлением спросил он, кланаясь.

Но Вень Да был так возбужден, что даже опустил все подобающие встрече приветствия.

– Господин Фань, – вскричал он, – я знаю, что Чжу Инсян нашел способ обвинить вас в сношениях с еретиками, и сейчас, наверняка, уже послан отряд, чтобы захватить вас. Умоляю – спасайтесь!

Это слышал сын Фань Гоуфу, Фань Чжун.

– Нельзя терять ни минуты, – воскликнул юноша, и повернулся, чтобы отдать распоряжения.

Но старый Фань удержал его.

– Куда же мне бежать, – с достоинством возразил он. – Я уже стар, и не желаю кончить свою жизнь врагом государя. Как бы ни были плохи мои отношения с Чжу Инсяном, не верю я, что ученый человек склонит свой слух к словам клеветника, который и думает-то об одном: как бы оставить мое серебро в своем кармане! Возможно, Чжу Инсян колеблется, какое принять решение... Мое бегство послужит доказательством моей виновности, введет в заблуждение правительственного чиновника! Нет, я никуда не уйду отсюда.

Фань Чжун и Вень Да умоляли его изменить решение, но старик остался непреклонен.

– Стар я уже, – говорил он, – чтобы куда-то бежать.

Тогда Фань Чжун и трое его братьев облачились в боевые одежды, собрали всех слуг усадьбы и объяснили им, как обстоят дела.

– Кто хочет, может уйти, – сказали они, – потому что мы останемся с нашим отцом и не окажем никакого сопротивления властям.

Между тем Цзи Дан со своим отрядом подходил к усадьбе. Из расспросов в пути он знал, что его начальник, Вень Да, опередил его, и был этому очень рад. Он рассчитывал найти усадьбу пустой и сгоревшей, и получить место своего начальника. Каково же было его изумление, когда в ночной темноте он увидел над частоколом сотни факелов и услышал дыхание притаившихся людей. По правде говоря, он совсем не думал, что ему предстоит драться, и при мысли о бое душа его затрепетала, как шелковый рукав на ветру.

– Господин Чжу Инсян, – раздался сверху голос, – мой отец смущен, что вы осчастливили его дом своим посещением, и он будет рад принять вас.

Но тут заговорил другой голос:

– Во главе отряда вовсе не Чжу Инсян! Да это мой подчиненный, Цзи Дан!

– Все равно, – возразил Фань Чжун из темноты, – мой отец будет рад принять и его, если он теперь начальник.

– Берегитесь, – воскликнул Вень Да, – Цзи Дан – человек ненадежный и злобный!

От таких слов у Цзи Дана душа ушла в землю. Только что ему не хотелось сражаться, но теперь одна мысль о том, что Фань Гоуфу сдастся и со всей семьей приедет к Чжу Инсяну, наполняла его сердце ужасом. А что, если Фань Гоуфу удастся разубедить Чжу Инсяна? А что, если Чжу Инсян пожелает лично осмотреть усадьбу и не найдет в ней никаких следов деятельности секты?

И тогда Цзи Дан закричал:

– Они заманивают нас в ловушку! Вперед!

Ударил гонг, и по этому сигналу солдаты принялись осыпать зажженными стрелами стены и надворные постройки. Усадьба загорелась. Защитники ее заматались внутри, а солдаты Цзи Дана стали у ворот и убивали всякого, кто выскакивал наружу.

На следующий день Цзи Дан доложил начальнику уезда:

– Преступники, во главе с Фань Чжуном и начальником Вень Да, оказали нам сопротивление. Все они, видимо, погибли в огне, но Фань Чжун, с необыкновенной силой действуя мечом, сумел прорваться через наши ряды и пропал.

– Странно, – сказал в раздумье Чжу Инсян, – почему же они не бежали в горы?

– Дело в том, – объяснил сыщик, что вожди еретических сект убеждены в своей способности творить чудеса! Когда я явился к усадьбе, я увидел, как старый Фань стоял на стене, потрясая тыквой-горлянкой! Он думал насрать на нас из нее бумажных тигров и огненных драконов, но у него ничего не вышло.

Эти слова вполне убедили Чжу Инсяна. Он покачал головой и промолвил:

– Это большое счастье, что главари этих сект сами верят в колдовство и прочую чертовщину. Если бы они не верили в собственные бредни, а просто обманывали народ, справиться с ними было гораздо труднее.

Чжу Инсян был очень раздосадован, узнав, что Фань Чжун отбился и ушел. Ведь именно молодой Фань оскорбил его. Он велел вывесить везде объявления с приметами Фань Чжуна и обещал за его поимку награду в пятьсот лан серебра. Цзи Дана он назначил начальником отряда по борьбе с разбойниками.

Между тем Фань Чжун, которому удалось спастись, скитался в лесах, погруженный в горькие размышления. Да уж что и говорить, вряд ли кто-нибудь из вас согласился бы быть на его месте! Вчера еще его окружали роскошные вещи, в сундуках отца громоздились горы крашеного и простого шелка, балки были расписаны прихотливыми узорами, одеяло, которым он накрывался, было сшито из собольих шкурок. Сапожки он носил из кожи серны, с двойными подошвами, подбитыми узорчатым шелком. Стоило ему захотеть напиться – и вот уже бегут десятки слуг с кувшинами, стоило ему пожелать отправиться на охоту, – и вот уже седлают коней, готовят экипажи, открытые и с верхом.

У отца Фань Чжуна было немало друзей в столице, и у юноши осталась одна надежда: добраться до столицы и принести жалобу на самоуправство Чжу Инсяна. «Быть того не может, – думал он, – чтобы бесчинства чиновника не возбудили справедливого гнева. Истинно – каков господин, таков и слуга. Что же следует ожидать от этого Чжу Инсяна, если он послан в наши края самим Ван Аньши? Этот человек, говорят, никогда не моется, и он погубил своего лучшего друга. Быть может, если я подам жалобу, это поможет Су Ши и другим уважаемым людям убедить Сына Неба в неправильности действий Ван Аньши.»

И Фань Чжун пробирался узкими тропами, повторяя про себя замечательные строки великого Су Ши:

Как бы я с ветром хотел
Умчаться за облака!
Туда, где из яшмы дворец,
Где башен сверкает нефрит!
Только дорога, страшусь,
В бездну небес не легка,
Стужа там в миг один
Сердце заледенит.

Эти строки Су Ши написал, пребывая в ссылке вследствие своей вражды с Ван Аньши. Он еще не знал, что в конце концов все переменится, и он доберется до нефритового дворца и он станет начальником Ведомства Наказаний.

На пятый день Фань пришел в небольшую деревню у горного перевала. Перед деревней он миновал городок, где на столбе висело объявление с указанием его примет.

Он зашел в придорожную харчевню, и хозяйка ему сказала:

– Ах, молодой человек, лучше бы вам заночевать тут. Говорят, в часовне у перевала в ночную пору злобствует всякая нечисть.

И она растопырила глазки на красивого юношу и стала рассказывать всякие страшные истории, чтобы тот заночевал у нее в доме. По правде говоря, это была распутная женщина, и она хотела раскинуться перед ним на матрасике.

Но Фань Чжун был человек образованный и не очень-то верил в непристойные чудеса. Кроме того, он думал только об угрожающем ему аресте, и всякие мысли о блуде были ему в этот миг чужды. И чем больше он слушал ее басни, тем больше он убеждался, что хозяйка узнала его по приметам, и, ежели он останется на ночь, то будет схвачен. Фань Чжун сказал, что сделает так, как советует женщина, и только пойдет полюбоваться старой кумирней, которую он видел неподалеку. Чтобы у женщины не закралось никаких подозрений, он оставил в харчевне узел, с которым странствовал, изображая из себя мелкого торговца. В этом узле были одни камни.

Итак, Фань Чжун вышел из харчевни и быстро зашагал вверх по дороге. Прошло совсем немного времени, и деревня скрылась из виду. Стало темнеть. Впереди возвышались горы, внизу шумели верхушки деревьев. Фань Чжун шел, думая об отце, и сердце его обливалось кровью.

Места, которыми он проходил, как раз напомнили ему участок, исключительно благоприятный для захоронений. Этим участком предки его владели из рода в род, и на могилах их всегда возжигались благовония и жертвенные деньги. Подумать только, – вздохнул про себя Фань Чжун, – что кости его отца смешались с золой и землей, и одна надежда, – на то, что какой-нибудь благожелатель тайком выкупит их и предаст земле. И ведь это его, Фань Чжуна, дерзкое поведение оказалось причиной смерти отца! Фань вспоминал о начальнике Чжу Инсяне и думал: «Быть может, мне удастся добраться до столицы и доказать, что меры, проводимые Чжу

Инсяном, способствуют лишь умножению числа ропщущих. Правильно говорил цензор Оуян Сю, что после реформ министра в местах, где побудет чиновник, не будет ни кур, ни собак!»

Тем временем совсем стемнело. На небе засверкали звезды, на перевале впереди показалась часовня, и около нее – большая дикая яблоня. Возможно, дерево поразила молния или злые духи, потому что яблоня стояла без листьев, но засохшие дикие яблочки словно прикипели к ветвям, и от этого ее силуэт на фоне ночного неба выглядел необычно.

Фань Чжун вдруг почувствовал трепет и поспешил зайти в кумирню, чтобы провести там ночь. Но едва он ступил на глиняный пол, как раздался страшный грохот: одна из статуй в кумирне уронила свой медный посох. Фань Чжун в ужасе подскочил, но, к своему облегчению, тут же увидел, что посох уронила не статуя, а самый обыкновенный живой монах, правда, очень уж огромный, с бритой головой и в грязном дорожном платье.

Монах встал и поднял свой посох.

– Ах, сударь, – сказал он Фань Чжуну, – все живое обречено на страдания!

«Как он прав» – подумал Фань Чжун.

– Вот я и сказал сам себе, – продолжал монах, – что если уж и суждено мне терпеть страдания, так хоть не понапрасну. А ну-ка отдавай мне свое платье и узел!

Тут Фань Чжун понял, с кем имеет дело, и выхватил меч, скрытый у него меж складок одежды.

– Попробуй возьми, – сказал Фань Чжун.

Монах засмеялся и сказал:

– Может быть, ты думаешь, что имеешь дело с обыкновенным человеком? Ты заблуждаешься! С помощью волшебных книг я выучился ходить, не касаясь земли, растягиваться на тысячу ли и уменьшаться до одного зернышка, и в этом крае со мной не сравнится никто, кроме одного человека по имени Фань Чжун.

Фань Чжун удивился и спросил:

– А что ты знаешь об этом человеке?

– Я знаю, – ответил, вздохнув, монах, что отец его был главою родственной нам секты, раздавал зерно нищим и пользовался большим влиянием в уезде. Но жестокий начальник Чжу Инсян оклеветал его и погубил. Тогда-то старый Фань, чувствуя, что пришел его смертный час, показал пример мужественной смерти и сжег семью и домочадцев, объяснив им, что они сегодня же увидят чистую землю. Ни один не захотел уйти! А сыну старый Фань приказал оставаться в этом мире, чтобы не погиб его род и его учение. Он посадил сына в деревянный кувшин, и кувшин взлетел в небеса.

Вот этому-то Фань Чжуну, – заключил монах, – суждено, наверное, победить меня, так как отец передал ему все свое искусство.

Мысли у Фань Чжуна спутались, как нити в руках неумелой пряжи, и тут за спиной его послышались шаги. Монах сказал вошедшему:

– Эй, посмотри, какого цыпленочка послала нам сегодняшняя ночь!

– Ах ты негодяй, – вскричал вошедший, да ведь этот юноша – не кто иной, как Фань Чжун!

Фань Чжун обернулся, и что же – перед ним стоял старый начальник Вень Да!

Монах повалился юноше в ноги и громко вскричал:

– Какое несчастье, что вы раньше не назвали мне своего высокочтимого имени? А если бы я погубил вас, нарушив тем самым ведь predetermined ход событий!

А Вень Да поклонился ему и промолвил:

– Вашему ничтожному слуге удалось спастись из пылающей усадьбы, и мне ничего не оставалось, как искать себе товарищей среди тех, кто живет в лесу и защищает справедливость. Волею судьбы я явился в шайку некоего Сюй Мина, где был принят очень хорошо благодаря моим рассказам о вас. Соболаговолите последовать за нами.

Фань Чжун, голодный и усталый, поплелся за бывшим начальником. Он понял, что Вень Да, желая внушить к себе уважение, наплел разбойникам всякие глупости про его отца, и Фань Чжуну это не очень-то понравилось. Он ведь принадлежал к совсем другому миру, где такие вещи, как колдовство, считались постыдными и вдобавок несуществующими, и ему было чрезвычайно неприятно, что разбойники ценят и верят в них.

Вскоре трое путников спустились в лагерь разбойников. Главарем этого лагеря был Сюй Мин. У него был стан на берегу озера, окруженный частоколом. От своей добычи он платил некоторую долю соседним чиновникам, и из-за этого приобрел у них большое уважение. Он также водил знакомство со всякими контрабандистами и торговцами.

Сюй Мин принял его прекрасно и даже воскликнул:

– Такой человек, как вы, непременно должен быть начальником этого стана!

Но Фань Чжун, конечно, видел, что разбойник говорит это лишь из врожденной учтивости, и отказался.

После этого в честь Фань Чжуна устроили большой пир. Вень Да рассказал, как ему удалось притвориться мертвым, а потом спастись из пылающей усадьбы, и тоже стал уговаривать юношу остаться в разбойничьем стане.

– Все равно, – сказал он, – твои друзья в Северной Столице будут очень обижены, если ты явишься к ним с пустыми руками. Разве станут они заступаться за нищего? Ты проявишь непочтительность к друзьям своего отца, если явишься в Чанъянь без подарка.

Видя, как все хорошо к нему относятся, Фань Чжун опустил голову и подумал: «В самом деле, почему бы мне не найти приют у этих людей? В столице мало ли еще как сложится дело? По своей воле я, конечно, никогда бы не стал разбойником. Но если уж так сложились обстоятельства, надо их использовать! Правильно говорят, что тот, кто упускает удачу, сам виноват в своей гибели. Почему бы мне, живя тут, не накопить некоторую толику денег? С деньгами оправдания добиться легче, чем без денег! Возможно, я проживу здесь несколько лет, а потом сумею вернуться в родные места, заново отстроить усадьбу, почтить могилу отца... Может быть, мне удастся отомстить этому негодяю Чжу Инсяну и Цзи Дану, легче, чем если б я отправился с жалобой в столицу».

И он сказал главарю:

– Что ж! Я с большой охотой останусь с вами. Но я должен сказать, что я не собираюсь бунтовать дольше, чем это надо, чтобы заслужить прощение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.